

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Об Алексее Ивановиче Пискунове, я уверена, напишется не один обильный научный труд. Я же хочу вспомнить лишь несколько эпизодов общения со своим научным руководителем, в которых проявились те его человеческие качества, которые для меня особенно важны и ценны.

В апреле 1971 года я, молодая школьная учительница, только что поступившая в аспирантуру, пришла к нему на кафедру педагогики Московского пединститута с официальным письмом от НИИ педагогики Грузии с просьбой дать свое согласие стать моим научным руководителем. Естественно, я очень волновалась. И, очевидно, я настолько напрягла и обострила своё внимание, что первая встреча с Алексеем Ивановичем, все её детали на всю жизнь запечатлелись в моей памяти.

Почему-то «академика» я представляла этаким глухоньким и слепеньким старичком. Меня же принял молодой, улыбающийся мужчина. Он энергично пожал мне руку, предложил сесть и сказал, что в Грузии у него есть друзья, но вот аспирантов пока не было, и он польщен таким вниманием со стороны грузинских коллег.

Слушая мою биографию, он одобрительно кивал головой, пока я не дошла до графы о семейном положении. Как только он узнал, что я замужем и у меня двое детей, улыбка исчезла с его лица, он помрачнел, долго молчал и, наконец, произнёс:

- Знаете, меня не очень вдохновляет работа с семейными аспирантками, потому что они все время отвлекаются по семейным делам. Исследовательская же работа требует всецелого погружения в неё. Вам известно мое золотое правило? Нет? Аспирант должен уложиться в срок, в три года! А Вы, голубушка, ох, чувствую, затяните мне защиту, – он постукивал указательным пальцем, которым до этого махал в мой адрес.

У меня заколотилось сердце, опустились плечи. Я дрожащим голосом стала его уверять, что закончу диссертацию вовремя, что у меня есть мама, которая полностью освободит меня от семейных проблем.

- Хорошо, сказал Алексей Иванович, а как быть с мужем?! Вы знаете, как меня ненавидят мужья моих аспиранток за то, что я надолго извлекаю их жён из семьи для работы в Москве? Я не хочу, наживать себе новых врагов, хватит и так, – закончил он, мотая головой и откинувшись на спинку стула.

На это я ответила, что мой муж сам прошёл аспирантуру и защиту в Москве, и он готов отнестись ко всему с пониманием. Тем более, что перспектива кандидатской зарплаты жены настолько «греет ему спинку», что в его лице он приобретет скорее нового друга.

Алексей Иванович усмехнулся, испытываяюще глядя на меня. Я немного успокоилась и даже осмелела. Немного помолчав, он решил взять меня на испуг и сказал, что у него скверный характер, он придиричив и что

вообще, его аспиранты, да будет мне известно, плачут «кровавыми слезами». Трудно передать словами выражение его лица и грозный тон этих слов.

Но я уже успела адаптироваться к ситуации и, обнаглев, ответила, что как раз этого-то я и не боюсь, т.к. умею плакать по любому поводу и в любом режиме. Что умею, то умею!

Алексей Иванович понял, что от меня можно избавиться, как он потом это говорил, только облив себя из ушата. Не желая обижать грузинских коллег, он протянул мне свою визитку и пригласил к себе домой, дабы в спокойной обстановке обсудить план нашей совместной работы. Причем предупредил, что на мой визит будет отведено не больше часа. Так что я должна тщательно подготовиться, четко и лаконично изложить свои идеи. Так я стала его аспиранткой № 26.

Я ликовала, вприпрыжку возвращалась к себе.

А буквально через несколько дней явилась домой к Алексею Ивановичу. Он познакомил меня со своей супругой, которая недавно защитилась по близкой мне теме. Мы втроем беседовали ровно 60 минут. Выбрали объект и предмет исследования, оговорили название темы.

Во время беседы его супруга часто покидала нас, а он часто поглядывал на часы. Это меня очень напрягало и, как только беседа закончилась, я тут же собралась уходить. Но Алексей Иванович меня не отпустил, настоял остаться на обед. Это меня смущало, но я не посмела отказаться. Я поняла, что к визиту готовилась не я одна.

- А как же иначе, Вы все-таки моя первая аспирантка из Грузии. За столом мы лучше узнаем друг друга, – пояснил он.

Через полгода я представила Алексею Ивановичу план-проспект диссертационной работы. Просмотрев его, он безжалостно перечеркнул все до последнего слова. Я удрученно смотрела на итог своего полугодового труда, а он, между тем пытался «успокоить» меня. Улыбаясь, говорил, что это нормально, что его аспиранты, как правило, составляют 15 вариантов этого самого плана.

Ошеломленная этим заявлением, я поняла причину «кровавых слез».

– Надо же 15 вариантов! А интересно, сколько вариантов диссертации он заставляет писать аспирантов?! – злилась я, сидя в библиотеке.

Та же участь постигла II и III варианты плана. Но уже IV вариант он начал редактировать. Это было хорошим признаком. Понаслышке я знала, что, если Пискунов взялся что-либо редактировать, то даже «из макулатуры получится Королева Марго».

Закончив правку, он протянул мне руку и сказал:

- Поздравляю Вас. У Вас готово 50% диссертации, у нас хороший план-проспект. Это надо отметить.

С тех пор прошло 40 лет, а я храню этот развёрнутый листок школьной тетради, правленный его рукой.

Подаренные им книги, присланные письма и даже поздравительные открытки, совместные фотографии являются реликвией в моей семье и составляют предмет моей гордости.

А вот самому Алексею Ивановичу не скоро пришлось гордиться мною. Его опасения насчет сроков защиты полностью оправдались, и мне не удалось избежать его нагоняев. Делал он это хоть и жестко, но очень выдержано и тактично. В нем каким-то образом строгость и требовательность сочетались с разумной добротой, справедливость наказания с обходительностью. Именно поэтому я всегда считала себя недостойной его ученицей, испытывала неловкость и досаду; и до сих меня беспокоят угрызения совести.

Но, тем не менее, уже после моей защиты Алексей Иванович уверял меня, что теорию и историю педагогики я знаю в Грузии чуть ли не лучше всех. Он, конечно, сильно преувеличивал, но такая похвала со стороны научного руководителя мне очень льстила. Он настоятельно советовал мне продолжить работу с ним. Но... семья требовала своего.

Алексей Иванович несколько раз приезжал в Тбилиси в командировки. И каждый его приезд превращался в научное событие. Его ждали, встречали в предвкушении чего-то интересного. Он встречался с министрами, их заместителями, руководителями вузов, кафедр, с научными работниками и аспирантами. Когда он брал слово, воцарялась гробовая тишина. Его выступление всегда было информативным и актуальным, речь ясной и убедительной. В сочетании с безукоризненным русским языком и собственным стилем изложения, она свидетельствовала о его писательском таланте. Он был живым учебником ораторского искусства.

Речь Алексея Ивановича была безукоризненной и в быту. За много лет общения с ним я ни разу не слышала от него не то чтобы бранного слова, но даже и сленга.

Он категорически не принимал фамильярность и сам не допускал ее даже с ребёнком. Мне всегда казалось, что его холодность и дистанцированность были маской, за которой скрывался наидобрейший человек. Использовал он ее только как заслонку от панибратства. Мне это импонировало. Да. Каждый сверчок должен знать свой шесток!

Алексей Иванович обладал тонким, но умеренным юмором. Зато его супруга Лидия Ефремовна Журова «фонтанировала» юмор с завидной силой. Она просто отличалась остроумием и острословием. Они как-то дополняли друг друга и это, безусловно, тянуло к ним людей. Находясь далеко от дома, в Москве, я не боялась заболеть, остаться без денег или без ночлега. Я была уверена, что эта супружеская пара никого не оставит в беде.

Его не только уважали, но и любили в Грузии. Он держался непринуждённо, был разговорчив, свободно выдерживал особенности грузинского застолья, любил грузинское красное вино, хвалил нашу кухню, но я

ревниво подозревала, что ему больше нравилась узбекская. А вот грузинской музыкой и архитектурой он восхищался искренне.

Освежая память об Алексее Ивановиче Пискунове, я не позволила себе коснуться ни его научных трудов, ни его научных споров, ни его научных пристрастий. Считаю, это надлежит сделать ученым того же калибра.

На склоне лет для меня уже не имеют значение ни прошлое благосостояние, ни ученая степень, ни звание, ни даже знания, которые когда-то тешили мое тщеславие.

Все это суета сует!

Сегодня мою душу согревает память сердца о человеческих отношениях с гениальной личностью, которыми в далёкие годы меня наградила судьба.